ПОСВЯЩЕНИЕ

Взошла заря. Чуть слышно прозвучали
Ее шаги, смутив мой легкий сон.
Я пробудился на своем привале
И вышел в горы, бодр и освежен.
Мои глаза любовно созерцали
Цветы в росе, прозрачный небосклон,—
И снова дня ликующая сила,
Мир обновив, мне сердце обновила.

Я в гору шел, а вкруг нее змеился
И медленно всходил туман густой.
Он плыл, он колыхался и клубился,
Он трепетал, крылатый, надо мной,
И кругозор сияющий затмился,
Угрюмой и тяжелой пеленой.
Стесненный пара волнами седыми,
Я в сумрак погружался вместе с ним.

Но вдруг туман блеснул дрожащим светом,
Скользя и тая вкруг лесистых круч.
Пары редели в воздухе согретом.
Как солнца жадно ждал я из-за туч!
Каким встречать готовился приветом
Вдвойне прекрасный после мрака луч!
С туманом долго бой вело светило,
Вдруг ярким блеском взор мой ослепило.
А грудь стеснило бурное волненье.
«Открой глаза»,— шепнуло что-то мне.
Я поднял взор, но только на мгновенье:
Все полыхало, мир тонул в огне.
Но там, на тучах,— явь или виденье? —
Богиня мне предстала в вышине.
Она парила в светлом ореоле.
Такой красы я не видал дотоле.

«Ты узнаешь? — И ласково звучали
Ее слова.— Ты узнаешь, поэт,
Кому вверял ты все свои печали,
Чей пил бальзам во дни сердечных бед?

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Я та, с кем боги жизнь твою связали,
Кого ты чтишь и любишь с юных лет,
Кому в восторге детском умиленья
Открыл ты сердца первые томленья».

«Да! — вскрикнул я и преклонил колени.—
Давно в мечтах твой образ был со мной.
Во дни опустошающих волнений
Ты мне дарила бодрость и покой,
И в знойный день ты шла, как добрый гений,
Колебля опахало надо мной.
Мне все дано тобой, благословенной,
И вне тебя — нет счастья во вселенной!

Не названа по имени ты мною,
Хоть каждый мнит, что зрима ты ему,
Что он твоею шествует тропою
И свету сопричастен твоему.
С пути сбиваясь, я дружил с толпою,
Тебя познать дано мне одному,
И одному, таясь пред чуждым оком,
Твой пить нектар в блаженстве одиноком».

Богиня усмехнулась: «Ты не прав!
Так стоит ли являться мне пред вами!
Едва ты воле подчинил свой нрав,
Едва взглянул прозревшими глазами —
Уже в мечтах сверхчеловеком став,
Забыв свой долг, ты мнишь других глупцами.
Но чем возвышен ты над остальными?
Познай себя — и в мире будешь с ними».

«Прости,— я вскрикнул,— я добра хотел!
Не для того ль глаза мои прозрели?
Прекрасный дар ты мне дала в удел,
И радостный, иду я к высшей цели.
Я драгоценным кладом овладел,
И я хочу, чтоб люди им владели.
Зачем так страстно я искал пути,
Коль не дано мне братьев повести!»

Был взор богини полон снисхожденья,
Он взвешивал, казалось, в этот миг
И правоту мою и заблужденья,
Но вдруг улыбкой дрогнул светлый лик,

ПОСВЯЩЕНИЕ

Взошла заря. Чуть слышно прозвучали
Ее шаги, смутив мой легкий сон.
Я пробудился на своем привале
И вышел в горы, бодр и освежен.
Мои глаза любовно созерцали
Цветы в росе, прозрачный небосклон,—
И снова дня ликующая сила,
Мир обновив, мне сердце обновила.

Я в гору шел, а вкруг нее змеился
И медленно всходил туман густой.
Он плыл, он колыхался и клубился,
Он трепетал, крылатый, надо мной,
И кругозор сияющий затмился,
Угрюмой и тяжелой пеленой.
Стесненный пара волнами седыми,
Я в сумрак погружался вместе с ним.

Но вдруг туман блеснул дрожащим светом,
Скользя и тая вкруг лесистых круч.
Пары редели в воздухе согретом.
Как солнца жадно ждал я из-за туч!
Каким встречать готовился приветом
Вдвойне прекрасный после мрака луч!
С туманом долго бой вело светило,
Вдруг ярким блеском взор мой ослепило.
А грудь стеснило бурное волненье.
«Открой глаза»,— шепнуло что-то мне.
Я поднял взор, но только на мгновенье:
Все полыхало, мир тонул в огне.
Но там, на тучах,— явь или виденье? —
Богиня мне предстала в вышине.
Она парила в светлом ореоле.
Такой красы я не видал дотоле.

«Ты узнаешь? — И ласково звучали
Ее слова.— Ты узнаешь, поэт,
Кому вверял ты все свои печали,
Чей пил бальзам во дни сердечных бед?

Я та, с кем боги жизнь твою связали,
Кого ты чтишь и любишь с юных лет,
Кому в восторге детском умиленья
Открыл ты сердца первые томленья».

«Да! — вскрикнул я и преклонил колени.—
Давно в мечтах твой образ был со мной.
Во дни опустошающих волнений
Ты мне дарила бодрость и покой,
И в знойный день ты шла, как добрый гений,
Колебля опахало надо мной.
Мне все дано тобой, благословенной,
И вне тебя — нет счастья во вселенной!

Не названа по имени ты мною,
Хоть каждый мнит, что зрима ты ему,
Что он твоею шествует тропою
И свету сопричастен твоему.
С пути сбиваясь, я дружил с толпою,
Тебя познать дано мне одному,
И одному, таясь пред чуждым оком,
Твой пить нектар в блаженстве одиноком».

Богиня усмехнулась: «Ты не прав!
Так стоит ли являться мне пред вами!
Едва ты воле подчинил свой нрав,
Едва взглянул прозревшими глазами —
Уже в мечтах сверхчеловеком став,
Забыв свой долг, ты мнишь других глупцами.
Но чем возвышен ты над остальными?
Познай себя — и в мире будешь с ними».

«Прости,— я вскрикнул,— я добра хотел!
Не для того ль глаза мои прозрели?
Прекрасный дар ты мне дала в удел,
И радостный, иду я к высшей цели.
Я драгоценным кладом овладел,
И я хочу, чтоб люди им владели.
Зачем так страстно я искал пути,
Коль не дано мне братьев повести!»

Был взор богини полон снисхожденья,
Он взвешивал, казалось, в этот миг
И правоту мою и заблужденья,
Но вдруг улыбкой дрогнул светлый лик,

И, дивного исполнясь дерзновенья,
Мой дух восторги новые постиг.
Доверчивый, безмолвный, благодарный,
Я поднял взор на образ лучезарный.

Тогда рука богини протянулась —
Как бы туман хотела снять она.
И — чудо! — мгла в ее руках свернулась,
Душистый пар свился, как пелена,
И предо мною небо распахнулось,
И вновь долин открылась глубина.
А на руке богини трепетало
Прозрачное, как дымка, покрывало.

«Пускай ты слаб,— она мне говорила,—
Твой дух горит добра живым огнем.
Прими ж мой дар! Лучей полдневных сила
И аромат лесного утра в нем.
Он твой, поэт! Высокие светила
Тебя вели извилистым путем,
Чтоб Истина счастливцу даровала
Поэзии святое покрывало.

И если ты иль друг твой жаждет тени
В полдневный зной,— мой дар ты в воздух взвей,
И в грудь вольется аромат растений,
Прохлада вечереющих полей,
Утихнет скорбь юдольных треволнений,
И день блеснет, и станет ночь светлей,
Разгонит солнце душные туманы,
И ты забудешь боль сердечной раны».

Приди же, друг, под бременем идущий,
Придите все, кто знает жизни гнет,
Отныне вам идти зеленой кущей,
Отныне ваш и цвет, и сочный плод.
Плечом к плечу мы встретим день грядущий,—
Там будем жить и так пойдем вперед.
И пусть потомок наш возвеселится,
Узнав, что дружба и за гробом длится.

1784

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Покидаю домик скромный,
Где моей любимой кров.
Тихим шагом в лес огромный
Я вхожу под сень дубов.

Прорвалась луна сквозь чащи:
Прошумел зефир ночной,
И, склоняясь, льют все слаще
Ей берёзы ладан свой.

Я блаженно пью прохладу
Летней сумрачной ночи!
Что душе дает отраду,
Тихо чувствуй и молчи.

Страсть сама почти невнятна.
Но и тысячу ночей
Дам таких я безвозвратно
За одну с красой моей.

1767/1768

МОЕЙ МАТЕРИ

Пусть ни привета, ни письма тебе
Подолгу я не шлю, не допускай
Тревожной мысли в сердце, будто долг
Сыновней нежности к тебе мою
Покинул грудь. Нет, так же, как утес,
Что спит в реке на вечных якорях,
Свое не кинет место, пусть волна,
То бурная, то кроткая, над ним
Проносится, у глаз его отняв,
Так нежность к матери не кинет грудь
Мою вовек, пусть жизненный поток,
Подстегнут болью, то взметает вал,
То, тихо сглажен радостью, скользит
Поверх и прячет нежность, не дает
Ей к солнцу вскинуть голову, кругом
Свои лучи отбросить и тебе
Всечасно повторять, как чтит тебя твой сын.

1767

* * *

Вернусь я, золотые детки,
Не усидеть мне, видно, в клетке
Глухого зимнего житья.

У камелечка мы присядем,
На сто ладов веселье сладим,
Как божьих ангелов семья.

Плесть будем малые веночки,
Цветочки связывать в пучочки,
Ребенком стану с вами я.

1770

ФРИДЕРИКЕ БРИОН

Проснись, восток белеет!
Как яркий день,
Твой взор, блеснув, развеет
Ночную тень.
Вот птицы зазвенели!
Будя сестер,
Поет: «Вставай с постели!»
Их звонкий хор.

Ты слов не держишь, видно,
Я встал давно.
Проснись же, как не стыдно!
Открой окно!
Чу! Смолкла Филомела!
Всю ночь грустя,
Она смутить не смела
Твой сон, дитя.

Но рдеет на востоке:
Вот луч зари
Твои целует щеки,
О, посмотри!
Нет, ты прильнула к спящей
Сестре своей
И грезишь вновь — тем слаще,
Чем день светлей.

Ты спишь! Гляжу украдкой,
Как тих твой сон.
Слезой печали сладкой
Я ослеплен.
И кто пройдет, спокойный,
Кто будет глух!
Чей, может, недостойный,
Не дрогнуть дух!

Ты спишь! Иль нежной снится —
О, счастье! — тот,
Кто здесь, бродя, томится
И муз клянет,
Краснеет и бледнеет,
Ночей не спит,
Чья кровь то леденеет,
То вновь кипит.

Ты проспала признанья,
Плач соловья,
Так слушай в наказанье,
Вот песнь моя!
Я вырвался из плена
Назревших строф.
Красавица! Камена!
Услышь мой зов!

1771

* * *

Скоро встречу Рику снова,
Скоро, скоро обниму.
Песня вновь плясать готова,
Вторя сердцу самому.

Ах, как песня та звучала
Из ее желанных уст!
Как надолго замолчала!
Долго, долго мир был пуст.

Мучусь скорбью бесконечной,
Если милой нет со мной,
И глубокий мрак сердечный
Не ложится в песен строй.

Только нынче чистым, старым
Счастьем сердце вновь полно.
Не сравнится с этим даром
Монастырское вино!

1771

СВИДАНИЕ И РАЗЛУКА

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.
Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас;
И тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней черных глаз.

Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны,
Крылами ветры помавали,
Зловещих шорохов полны.
Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, несся конь,
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пылал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел.
И вот конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять со мной! Со мной! О боги!
Чем заслужил я рай земной!

Но — ах! — лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты целовала,
С какой тоской смотрела ты!
Я встал, душа рвалась на части,
И ты одна осталась вновь...
И все ж любить — какое счастье!
Какой восторг — твоя любовь!

1771

ПРОМЕТЕЙ

Ты можешь, Зевс, громадой тяжких туч
Закрыть весь мир,
Ты можешь, как мальчишка,
Обивающий репьи,
Крушить дубы и скалы,
Но ни земли моей
Ты не разрушишь,
Ни хижины, которую не ты построил,
Ни очага,
Чей животворный пламень
Тебе внушает зависть.

Нет никого под солнцем
Ничтожней вас, богов!
Дыханием молить
И дымом жертвоприношений
Вы кормите свое
Убогое величье,
И вы погибли б все, не будь на свете
Глупцов, питающих надежды,
Доверчивых детей
И нищих.

Когда ребенком был я и ни в чем
Мой слабый ум еще не разбирался,
Я в заблужденье к солнцу устремлял
Свои глаза, как будто там, на небе,
Есть уши, чтоб мольбе моей внимать,
И сердце есть, как у меня,
Чтоб сжалиться над угнетенным.

Кто мне помог
Смирить высокомерие титанов?
Кто спас меня от смерти
И от рабства?
Не ты ль само,
Святым огнем пылающее сердце?
И что ж, не ты ль само благодарило,
По-юношески горячо и щедро
Того, кто спал беспечно в вышине!

Мне — чтить тебя? За что?
Рассеял ты когда-нибудь печаль
Скорбящего?

Отер ли ты когда-нибудь слезу
В глазах страдальца?
А из меня не вечная ль судьба,
Не всемогущее ли время
С годами выковали мужа?

Быть может, ты хотел,
Чтоб я возненавидел жизнь,
Бежал в пустыню оттого лишь,
Что воплотил
Не все свои мечты?
Вот я — гляди! Я создаю людей,
Леплю их
По своему подобью,
Чтобы они, как я, умели
Страдать и плакать,
И радоваться, наслаждаясь жизнью,
И презирать ничтожество твое
Подобно мне!

1774

ГАНИМЕД

Словно блеском утра
Меня озарил ты,
Май, любимый!
Тысячеликим любовным счастьем
Мне в сердце льется
Тепла твоего
Священное чувство,
Бессмертная Красота!

О, если б я мог
Ее заключить
В объятья!

На лоне твоем
Лежу я в томленье,
Прижавшись сердцем
К твоим цветам и траве.
Ты охлаждаешь палящую
Жажду в груди моей,
Ласковый утренний ветер!
И кличут меня соловьи

В росистые темные рощи свои.
Иду, поднимаюсь!
Куда? О, куда?
К вершине, к небу!
И вот облака мне
Навстречу плывут, облака
Спускаются к страстной
Зовущей любви.
Ко мне, ко мне!
И в лоне вашем —
Туда, в вышину!
Объятый, объемлю!
Все выше! К твоей груди,
Отец Вседержитель!

1774

ОРЕЛ И ГОЛУБКА

С утеса молодой орел
Пустился на добычу;
Стрелок пронзил ему крыло —
И с высоты упал
Он в масличную рощу.
Там он томился
Три долгих дня,
Три долгих ночи
И содрогался
От боли; наконец
Был исцелен
Живительным бальзамом
Всеисцеляющей природы.
Влекомый хищничеством смелым,
Приют покинул свой:
Он хочет крылья испытать.
Увы! они едва
Его подъемлют от земли —
И он, в унынии глубоком,
Садится отдохнуть
На камне у ручья.
Он смотрит на вершину дуба,
На солнце, на далекий
Небесный свод —
И в пламенных его глазах
Сверкают слезы.

Поблизости, между олив,
Крылами тихо вея,
Летали голубь и голубка.
Они к ручью спустились
И там по золотому
Песку гуляли вместе.
Водя кругом
Пурпурными глазами,
Голубка наконец
Приметила сидящего в безмолвном
Унынии орла.
Она товарища тихонько
Крылом толкнула,
Потом, с участием сердечным
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
«Ты унываешь, друг!
О чем же? Оглянись — не все ли,
Что нам для счастья
Простого нужно,
Ты здесь имеешь?
Не дышат ли вокруг тебя
Благоуханием оливы?
Не защищают ли зеленой
Прозрачной сению своей
Они тебя от зноя?
И не прекрасно ль блещет
Здесь вечер золотой
На мураве и на игривых
Струях ручья?
Ты здесь гуляешь по цветам,
Покрытым свежею росою,
Ты можешь пищу
Сбирать с кустов и жажду
В струях студеных утолять.
О друг, поверь,
Умеренность — прямое счастье!
С умеренностью мы
Везде и всем довольны».
«О, мудрость,— прошептал орел,
В себя сурово погрузившись,—
Ты рассуждаешь, как голубка».

1773

ФУЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

Король жил в Фуле дальнем
И кубок золотой
Хранил он, дар прощальный
Возлюбленной одной.

Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы утирал.

И в смертный час тяжелый
Он роздал княжеств тьму
И всё, вплоть до престола,
А кубок — никому.

Со свитой в полном сборе
Он у прибрежных скал
В своем дворце у моря
Прощальный пир давал.

И кубок свой червонный,
Осушенный до дна,
Он бросил вниз с балкона,
Где была глубина.

В тот миг, когда пучиной
Был кубок поглощен,
Пришла ему кончина,
И больше не пил он.

1774

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

На старой башне, у реки,
Дух рыцаря стоит
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,
Другую проволок!
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток!»

1774

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»

Так любить влюбленный каждый хочет,
Хочет дева быть любимой так.
Ах! зачем порыв святейший точит
Скорби ключ и близит вечный мрак!

Ты его оплакиваешь, милый,
Хочешь имя доброе спасти?
«Мужем будь,— он шепчет из могилы,—
Не иди по моему пути».

НОВАЯ ЛЮБОВЬ, НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце, что случилось,
Что смутило жизнь твою?
Жизнью новой ты забилось,
Я тебя не узнаю.
Все прошло, чем ты пылало,
Что любило и желало,
Весь покой, любовь к труду.
Как попало ты в беду?

Беспредельной, мощной силой
Этой юной красоты,
Этой женственностью милой
Пленено до гроба ты.
И возможна ли измена?
Как бежать, уйти из плена,
Волю, крылья обрести?
К ней приводят все пути.

Ах, смотрите, ах, спасите,
Вкруг плутовки, сам не свой,
На чудесной, тонкой нити
Я пляшу, едва живой.

Жить в плену, в волшебной клетке,
Быть под каблучком кокетки,
Как такой позор снести?
Ах, пусти, любовь, пусти!

1775

БЕЛИНДЕ

О, зачем влечешь меня в веселье,
В роскошь людных зал?
Я ли в скромной юношеской келье
Радостей не знал?

Как любил я лунными ночами,
В мирной тишине,
Грезить под скользящими лучами,
Точно в полусне!

Сном о счастье, чистом и глубоком,
Были все мечты.
И во тьме пред умиленным оком
Возникала ты.

Я ли тот, кто в шуме света вздорном,
С чуждою толпой,
Рад сидеть хоть за столом игорным,
Лишь бы быть с тобой!

Нет, весна не в блеске небосвода,
Не в полях она.
Там, где ты, мой ангел, там природа,
Там, где ты,— весна.

1775

ЗВЕРИНЕЦ ЛИЛИ

На свете не было пестрей
Звериица, чем зверинец Лили!
Какие чары приманили
Сюда диковинных зверей?
Бедняжки принцы скачут, пляшут,
Крылами бьют, хвостами машут,

То захрипят, то смолкнут вдруг
В сплошном чаду любовных мук!

О чем тут спрашивать! Звать Лили эту фею.
Не приведи господь вам повстречаться с нею.

О, что за визг, и писк, и клекот,
Когда, питомцам на беду,
В корзиночке она приносит им еду!
Что за рычанье! Что за рокот!

Оживают кусты и деревья сада...
Сумасшедшее ринулось стадо
К ее ногам. Даже рыбы в бассейне
В нетерпении высунулись из воды.
А она бросает крохи еды
Ошалевшим от алчности гадам,
Одаряя их царственным взглядом.

И тут начинается бой!
Они грызутся меж собой,
Разевают жадные пасти,
Кусаются, рвут друг друга на части.
И все из-за хлеба! Из-за куска!
Из-за черствой корки на дне лоханей,
Которую сделала эта рука
Небесных амврозий благоуханней!

А взгляд-то каков! Каков тон,
Которым она произносит: «Цып-цып!..»
Зевсов орел покинул бы трон,
Оба Венериных голубка
В путь бы ринулись наверняка,
Даже павлин, надутый и злющий,
Примчался б на этот голос зовущий.

Ведь именно так из чащи ночной
Прибрел к ней медведь — мохнатый верзила.
В какой же капкан его залучила
Хозяйка компании сей честной!
Отныне он, можно сказать,— ручной,
Конечно, только в известном смысле.
Любовь прочнее любых оков...
Ах, что там! Я кровью своей готов
В ее саду поливать цветочки.

«Как?! «Я» — вы сказали? Но, ваша честь...»
Да, да! Я... Медведь — это я и есть.
За юбкой погнался! Пропал! Погиб!
На шелковом водят меня шнурочке.
А как я в эту историю влип —
Об этом вам расскажу попозже:
Сейчас не могу... Брр!.. Мороз — по коже.
Ведь сами подумайте! Зло берет:
Кругом все квохчет, хрюкает, блеет.
Такая порой тоска одолеет —
Удрать хочу!
Рычу!
Хожу, как помешанный, взад-вперед,
Башкой кручу,
Рычу!
Пройдусь немного по аллее,
И снова ходу — от ворот!
Зря, что ль, досада меня разбирает?
Дух, взбеленившись, нутро распирает.
Ну, как от ярости не взреветь?
Кто я ей: заяц или медведь?!
Белка, грызущая орешек?!
Простите, мамзель: не гожусь для насмешек.
Да мне в лицо
Хохочет здесь каждое деревцо!
Каждый кустик строит рожи!
С души воротит — хоть околей —
От ваших цветочков, от ваших аллей!
Служить вам?! Хватит! Себе дороже!
Бегу отсюда во весь опор!
Хочу перепрыгнуть через забор —
Да не могу. Заколдован я, что ли?
Сила ушла из медвежьих лап?
Тьфу ты! Совсем одряхлел, ослаб!
Видать, суждено помереть в неволе.
Я сам себя не узнаю:
Лежу, визжу, судьбою смятый,
И слышат жалобу мою
Фарфоровые уши статуй.
И вдруг... Как мечется по жилам кровь!
Блаженнейшим соком наполнились клетки.
Я голос возлюбленной слышу вновь:
Она запела в своей беседке!

Воздух цветами заблагоухал...
Уж, верно, пост, чтобы я услыхал!

Бегу! Предо мной расступаются ветки,
Я — как пальной — по цветам, по лугам!
И — кубарем — прямо к ее ногам.

Она смеется: «Вот удивил!
Скажите, откуда такая удаль?
Свирен, как медведь, а привязчив, как пудель.
Косматый, безобразен... А все-таки мил!»
И ножкой, ножкой — ну, что за натура! —
Гладит мохнатую спину мою.
Как восхитительно чешется шкура!
Медведю кажется: он — в раю.
Целую ей туфлю, жую подметку,
Благопристойность медвежью храня.
К коленям ее припадаю кротко —
Не часто дождешься такого дня!
Она то погладит, то шлепнет меня.
Но я в блаженстве, как новорожденный,
Реву, улыбкой ее награжденный...
Вдруг мило хлыстиком взмахнет:
Allons tout doux! eh la menotte!
Et faites serviteur,
Comme un joli seigneur» [1].

Вот так надеждой живет дуралей,
Терпит все шалости, все причуды,
Но стоит чуть-чуть не потрафить ей —
Ох, как бедняге придется худо!

А впрочем, есть у ней некий бальзам...
Порою, к моим снизойдя слезам,
Она этим зельем на кончике пальца
Смочит иссохшие губы страдальца
И убежит, предоставив мне
Дурью мучиться наедине.
Право же! Нет ничего нелепей:
Снятый с цепи, я прикован цепью
К той, от которой с ума схожу.
Плетусь за ней следом, от страха дрожу,
По доброй воле живу в неволе,
Но что ей до муки моей, до боли?!
Знает, преданней нет слуги.

[1] А ну, будь пай-мальчиком! Дай лапу! Отвесь поклон, как подобает благовоспитанному кавалеру *(франц.)*.

А иногда, веселясь от сердца,
В клетке моей приоткроет дверцу:
«Что ж ты, дружок, не бежишь? Беги!»
А я?.. О боги, коль в вашей власти
Разрушить чары этой страсти,
То буду век у вас в долгу...
А не дождусь от вас подмоги,
Тогда... тогда... О, знайте, боги! —
Я сам помочь себе смогу!

1775

НА ОЗЕРЕ

И жизнь, и бодрость, и покой
Дыханьем вольным пью.
Природа, сладко быть с тобой,
Упасть на грудь твою!
Колышась плавно, в лад веслу,
Несет ладью вода.
Ушла в заоблачную мглу
Зубчатых скал гряда.

* * *

Взор мой, взор! Иль видишь снова
Золотые сны былого?
Сердце, сбрось былого власть,
Вновь приходит жизнь и страсть.

* * *

Пьет туман рассветный
Островерхие дали.
Зыбью огнецветной
Волны вдруг засверкали.
Ветер налетевший
Будит зеркало вод,
И, почти созревший,
К влаге клонится плод.

1775

К МЕСЯЦУ

Зыбким светом облекла
Долы и кусты,
В мир забвенья увела
Чувства и мечты.

Успокоила во мне
Дум смятенных рой,
Верным другом в вышине
Встала надо мной.

Эхо жизни прожитой
Вновь тревожит грудь,
Меж весельем и тоской
Одинок мой путь.

О, шуми, шуми, вода!
Буду ль счастлив вновь?
Все исчезло без следа —
Радость и любовь.

Самым лучшим я владел,
Но бегут года.
Горек, сердце, твой удел —
Жить в былом всегда.

О вода, шуми и пой
В тишине полей.
Слей певучий говор твой
С песнею моей,—

По-осеннему ль черна,
Бурно мчишься ты,
По-весеннему ль ясна,
И поишь цветы.

Счастлив, кто бежал людей,
Злобы не тая,
Кто обрел в кругу друзей
Радость бытия!

Все, о чем мы в вихре дум
И не вспомним днем,
Наполняет праздный ум
В сумраке ночном.

1775/1776

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ОХОТНИКА

Брожу я по полю с ружьем,
И светлый образ твой
В воображении моем
Витает предо мной.

А ты, ты видишь ли, скажи,
Порой хоть тень мою,
Когда полями вдоль межи
Спускаешься к ручью?

Хоть тень того, кто скрылся с глаз
И счастьем пренебрег,
В изгнанье от тебя мечась
На запад и восток?

Мысль о тебе врачует дух,
Проходит чувств гроза
Как если долго в лунный круг
Смотреть во все глаза.

1776

* * *

О, зачем твоей высокой властью
Будущее видеть нам дано
И не верить ни любви, ни счастью,
Как бы ни сияло нам оно!
О судьба, к чему нам дар суровый
Обнажать до глубины сердца
И сквозь все случайные покровы
Постигать друг друга до конца!

Сколько их, кто, в темноте блуждая,
Без надежд, без цели ищет путь,
И не может, о судьбе гадая,
В собственное сердце заглянуть,
И ликует, чуть проникнет скудно
Луч далекой радости в окно.
Только нам прельщаться безрассудно
Обоюдным счастьем не дано.
Не дано, лишь сна боясь дурного,
Наяву счастливым грезить сном,

Одному не понимать другого
И любить мечту свою в другом.

Счастлив тот, кто предан снам летящим,
Счастлив, кто предвиденья лишен, —
Мир сто видений с настоящим,
С будущим и прошлым согласен.
Что же нам судьба определила?
Чем, скажи, ты связана со мной?
Ах, когда-то — как давно то было! —
Ты сестрой была мне иль женой,
Знала все, что в сердце мной таимо,
Каждую изведала черту,
Все прочла, что миру в нем незримо,
Мысль мою ловила на лету,
Жар кипящей крови охлаждала,
Возвращала в бурю мне покой,
К новой жизни сердце возрождала,
Прикоснувшись ангельской рукой.
И легко, в волшебно-сладких путах,
Дни текли, как вдохновенный стих.
О, блаженна память о минутах,
О часах у милых ног твоих,
Когда я, в глубоком умиленье
Обновленный, пил живой бальзам,
Сердцем сердца чувствовал биенье
И глазами отвечал глазам!

И теперь одно воспоминанье
Нам сердца смятенные живит,
Ибо в прошлом — истины дыханье,
В настоящем — только боль обид.
И живем неполной жизнью оба,
Нас печалит самый светлый час.
Счастье, что судьбы коварной злоба
Изменить не может нас.

1779

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда стародавний
Святой отец
Рукой спокойной
Из туч гремящих

Молний сеет
В алчную землю,
Край его ризы
Нижний целую
С трепетом детским
В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет:
Если подымется он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры.

Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной,
Прочной земле,
То не сравняться
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

Чем отличаются
Боги от смертных?
Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подъемлет,
Волна поглощает —
И тонем мы.

Жизнь нашу объемлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
Их собственной жизни
Цель без конца.

1779

НОЧНЫЕ ПЕСНИ ПУТНИКА

I.

Ты, что с неба и вполне
Все страданья укрощаешь
И несчастного вдвойне
Вдоволь счастьем наполняешь,—

Ах, к чему вся скорбь и радость!
Истомил меня мой путь!
Мира сладость,
Низойди в больную грудь!

1776

II.

Горные вершины
Спят во мгле ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного —
Отдохнешь и ты!

1780

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О, какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

1781

БОЖЕСТВЕННОЕ

Прав будь, человек,
Милостив и добр:
Тем лишь одним
Отличаем он
От всех существ,
Нам известных.

Слава неизвестным,
Высшим, с нами
Сходным существам!
Его пример нас
Верить им учит.
Безразлична

Природа-мать.
Равно светит солнце
На зло и благо,
И для злодея
Блещут, как для лучшего,
Месяц и звезды.

Ветр и потоки,
Громы и град,
Путь свершая,
С собой мимоходом
Ровно уносят
То и другое.

И счастье, так
Скитаясь по миру,
Осенит то мальчика
Невинность кудрявую,
То плешивый
Преступления череп.

По вечным, железным,
Великим законам
Всебытия мы
Должны невольно
Круги совершать.
Человек один

Может невозможное:
Он различает,

Судит и рядит,
Он лишь минуте
Сообщает вечность.

Смеет лишь он
Добро наградить
И зло покарать,
Целить и спасать
Все заблудшее, падшее
К пользе сводить.

И мы бессмертным
Творим поклоненье,
Как будто людям,
Как в большом творившим,
Что в малом лучший
Творит или может творить.

Будь же прав, человек,
Милостив и добр!
Создавай без отдыха
Нужное, правое!
Будь нам прообразом
Проводимых нами существ.

1783

РЫБАК

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главой
Красавица из них.

Глядит она, поет она:
«Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,

Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?»

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа тоски полна,
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

1778

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой».
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися, младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

[illegible]

«[illegible] мой царь созвал дочерей:
[illegible]
«О [illegible] все спокойно в ночной глубине:
То [illegible] седые стоят в стороне».

«Литя, я пленился твоей красотой:
Неземной ты [illegible], а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать:
Уж вот он мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

1782

ПЕВЕЦ

«Что там за звуки пред крыльцом?
За гласы пред вратами?
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..» —
Король сказал, и паж бежит.
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть?
Кто знает их названья?
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся, взор, не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо,
У смелых взор смелей горит,
У жен поник стыдливо...
Пленился царь его игрой

И шлет за цепью золотой —
Почтить певца седого.

«Златой мне цепи не давай.
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдай
Бесстрашным среди бою,
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

По божьей воле я пою
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!
Просил бы милости одной:
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом сам бог благословил,
Где это — скудным даром!
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!»

1783

ИЗ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА»

МИНЬОНА

I

Ты знаешь край лимонных рощ в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заворожен?
Ты там бывал?
Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:

Кто эту боль, дитя, тебе нанес?
Ты там бывал?

Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.

Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взбирается сквозь них с усильем мул,
Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?

Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда!

1784

2

Сдержись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Буть это роком суждено.
Расходится ночная мгла
При виде солнца у порога,
И размыкается скала,
Чтоб дать источнику дорогу.

И есть у любящих предлог
Всю душу изливать в признанье,
А я молчу, и только бог
Разжать уста мне в состоянье.

1795

3

Кто знал тоску, поймет
Мои страданья!
Гляжу на небосвод,
И душу ранит.
В той стороне живет,
Кто всех желанней:
Ушел за поворот
По той поляне.
Шалею от невзгод,
Глаза туманит...
Кто знал тоску, поймет
Мои страданья.

1785

4

Я покрасуюсь в платье белом,
Покамест сроки не пришли,
Покамест я к другим пределам
Под землю не ушла с земли.

Свою недолгую отсрочку
Я там спокойно пролежу
И сброшу эту оболочку,
Венок и пояс развяжу.

И, встав, глазами мир окину,
Где силам неба все равно,
Ты женщина или мужчина,
Но тело все просветлено.

Беспечно дни мои бежали,
Но оставлял следы их бег.
Теперь, состарясь от печали,
Хочу помолодеть навек.

АРФИСТ

1

Кто одинок, того звезда
Горит особняком.
Все любят жизнь, кому нужда
Общаться с чудаком?
Оставьте боль мучений мне.
С тоской наедине
Я одинок, но не один
В кругу своих кручин.
Как любящий исподтишка
К любимой входит в дом,
Так крадется ко мне тоска
Днем и при свете ночника,
При свете ночника и днем
На цыпочках тайком.
И лишь в могиле под землей
Она мне даст покой.

2

Потомку к дверям с котомкой,
Кротко всякий дар приму,
Поблагодарю негромко,
Вскину на плечи суму.
В сердце каждого — запомнят
Молчаливый мой приход:
С силой сдерживает слезы
Всякий, кто мне подает.

1795

3

Кто с плачем хлеба не вкушал,
Кто, плачем проводив светило,
Его слезами не встречал,
Тот вас не знал, небесны силы!

Вы завлекаете нас в сад,
Где обольщения и чары,
Затем ввергаете нас в ад.
Нет прегрешения без кары!

Увы, содеявшему зло
Аврора кажется геенной!
И остудить повинное чело
Ни капли влаги нет у всех морей вселенной!

1795

ФИЛИНА

Полно петь, слезу глотая,
Будто ночь длинна, скучна!
Нет, красотки, тьма ночная
Для веселья создана.

Коль прекрасной половиной
Называют жен мужья,
Что прекрасней ночи длинной —
Половины бытия!

День лишь радости уводит,
Кто же будет рад ему?

Он хорош, когда уходит,
В остальном он ни к чему.

Но когда мерцают свечи,
Озарив ночной уют,
Нежен взор, шутливы речи
И уста блаженство пьют,

И когда за взгляд единый
Ваш ревнивый пылкий друг
С вами рад игре невинной
Посвятить ночной досуг,

И когда поет влюбленным
Песню счастья соловей,
А печальным, разделенным
Горе слышится и в ней,—

О, тогда клянем недаром
Мы часов бегущих бой,
Что двенадцатым ударом
Возвещает нам покой!

Пусть же всех, кто днем скучали,
Утешает мысль одна:
Если полон день печали,
То веселья ночь полна.

1795

ИЗ «РИМСКИХ ЭЛЕГИЙ»

О моей поре счастливой
Рассказать теперь должны вы.

I

Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги!
Улица, слово скажи! Гений, дай весть о себе!
Истинно, душу таят твои священные стены,
Roma aeterna! [1] Почто ж скована все немотой?
Кто мне подскажет, в каком окне промелькнет нечароком
Милая тень, что меня, испепелив, оживит?

[1] Вечный Рим (*лат.*).

Или, сбившись с пути, не узнал я дорогу, и второй
К ней бы ходил и ходил, в трате часов не скупясь?
Осторожно пока, путешественник благоприличий,
Храмы, руины, дворцы, мрамор разбитых колонн.
Этим скитаньям конец недалек. В одном только храме,
В храме Амура, пришлец кров вожделенный найдет.
Рим! О тебе говорят: «Ты — мир». Но любовь отними те,
Мир без любви — не мир, Рим без любви — не Рим.

III

Милая, каешься ты, что сдалась так скоро? Не кайся:
Помыслом дерзким, поверь, я не принижу тебя.
Стрелы любви по-разному бьют: оцарапает эта,
Еле задев, а яд сердце годами томит;
С мощным другая пером, с наконечником острым и крепким,
Кость пронзает и мозг, кровь распаляет огнем.
В век героев, когда богини и боги любили,
К страсти взгляд приводил, страсть к наслажденью вела.
Или, думаешь ты, томилась долго Киприда
В рощах Иды, где вдруг ей полюбился Анхиз?
Не поспеши Селена, целуя, склониться к сонливцу,
Ох, разбудила б его быстрая ревность Зари!
Геро глянула в шумной толпе на Леандра, а ночью
Тот, любовью горя, бросился в бурную хлябь.
Рея Сильвия, царская дочь, спустилась с кувшином
К берегу Тибра, и вмиг девою бог овладел.
Так породил сыновей своих Марс. Вскормила волчица
Двух близнецов, и Рим князем земли наречен.

V

Чувствую радостно я вдохновенье классической почвой,
Прошлый и нынешний мир громче ко мне говорят.
Внемлю советам, усердно листаю творения древних,
Сладость новую в том изо дня в день находя.
Ночью ж Амур к другим меня призывает занятьям:
Так, вполовину учась, счастлив я ныне вдвойне.
Впрочем, я ль не учусь, когда нежную выпуклость груди
Взором слежу, а рукой вдоль по бедру провожу?
Мрамора тайна раскрылась; закон постигаю в сравненьях:
Глаз, осязая, глядит, чувствует, гладя, рука.
Если ж дневные часы порой на любимую трачу,
Трату часом ночным мне возмещает она.
Ночью не сплошь поцелуи у нас, ведем и беседы;
Сон одолеет ее — в замыслы я погружусь.

...не раз, что, стихи сочиняя в объятьях у милой,
Мерный гекзаметра счет пальцами на позвонках
...отсчитывал я. Любимая дышит в дремоте —
Мне дыхания жар грудь до глубин опалит.
Знает меж тем разжигает Амур, времена вспоминая,
Как триумвирам своим ту же услугу дарил.

VI

«Ты ль жестокий, меня оскорбляешь такими словами?
Или мужчины, любя, так злоречивы у вас?
Пусть осуждает меня толпа, я снесу терпеливо.
Знаю: грешна. Но кто грех мой единственный? Ты!
Эти платья, они для завистливой сплетни улика,
Что надоело вдове плакать по мужу в тиши.
Неосмотрительный, ты не ходил ли ко мне в новолунье:
Темный строгий сюртук, волосы сзади кружком?
Разве не сам ты, шутя, захотел рядиться в сутану?
Шепчутся люди: «Прелат!» Кто же им был, как не ты?
В Риме, в поповском гнезде, хоть трудно поверить, клянусь я,
Из духовенства никто ласки моей не познал.
Да, молода и бедна, обольстителей я привлекала,
Фолькониери не раз жадно глядел мне в глаза,
Деньги большие мне сводник сулил, посредник Альбани,
В Остию звал он меня, в Кватро Фонтане манил.
Не соблазнили меня посулы! Уж слишком противен
Был мне лиловый чулок, не был и красный милей!
Сызмала знала: «Всегда под конец девчонка внакладе!»
Так мой отец говорил, даром, что мать не строга.
Вот и сбылось: обманута я! Ведь только для виду
Сердишься ты, а сам, знаю, задумал сбежать.
Что ж, иди! Вы женской любви не стоите. Носим
Мы под сердцем дитя, верность мы носим в груди.
Вы же, мужчины, в объятьях и верность и страсть изливая,
Всю расточаете вы легкую вашу любовь».
Кто приглянулся, тому лучшее в дар принесет.
Гостеприимцем зовешься, бог? Не свергай же пришельца
Ты с олимпийских высот вновь на низину земли».
«Стой! Куда взобрался поэт?» — Прости мне! Высокий
Холм Капитолия стал новым Олимпом твоим.
Здесь, Юпитер, меня потерпи; а после Меркурий,
Цестиев склеп миновав, гостя проводит в Аид».

VIII

Ежели ты говоришь, дорогая, что девочкой людям
Ты не нравилась, мать пренебрегала тобой,

Но и ж, по-простом, в тиши расцвета ты, — я верю, по-с...
Любо мне думать, что ты страшным ребенком рос...
Так виноградный цветок не пленяет ни формой, ни краской,
Ягод же зрелая гроздь — радость богов и людей.

IX

В осени ярко пылает очаг, по-сельски радушен;
Пламя, взвиваясь, гляди, в хворосте буйно кипит.
Ныне оно мне отрадно вдвойне: еще не успеет,
В уголь дрова превратив, в пепле заглохнуть оно,—
Явится милая. Жарче тогда разгорятся поленья,
И отогретая ночь праздником станет для нас.
Утром моя домоводка, покинув любовное ложе,
Мигом из пепла вновь к жизни разбудит огонь.
Ласковую Амур наделил удивительным даром:
Радость будить, где она словно заглохла в золе.

X

Цезарь и Александр, великие Генрих и Фридрих
Мне бы щедрую часть отдали славы своей,
Если бы каждому я хоть на ночь уступил это ложе:
Только строго Орк держит их властью своей...
Будь же ты счастлив, живущий, гнездом, согретым любовью,
В Лету доколь на бегу не окунул ты стопы.

XIV

«Мальчик! Свет зажигай!» — «Да светло! Чего понапрасну
Масло-то переводить? Ставни закрыли к чему?
Не за горою, поди, за крышами солнце укрылось —
Добрых полчасика нам звона ко всенощной ждать».
«Ох, несчастный! Ступай и не спорь! Я жду дорогую.
Весница ночи меж тем, лампа, утешит меня!»

XVI

«Что ж ты сегодня, любимый, забыл про мой виноградник?
Там, как сулила, тайком я поджидала тебя».
«Шел я туда, дружок, да вовремя, к счастью, приметил,
Как, хлопоча и трудясь, дядя вертелся в кустах.
Я поскорей наутек!» — «Ох, и как же ты обознался!
Пугало — вот что тебя прочь отогнало. Над ним
Мы постарались усердно, из лоз плели и лохмотьев;
Честно старалась и я — вышло, себе ж на беду!»

...старик достиг: отпугнул он дерзкую птицу,
...Ту, что готова сгубить сад — и садовницу с ним.

XVII

Многие звуки я не терплю, но что вовсе несносно.
Это собачий брех,— уши он, подлый, дерет.
Только одна собака забрешет и в сердце пробудит
Теплую радость — пес, что у соседа живет.
Он однажды залаял, когда моя девочка робко
Крадась ко мне, и едва тайну не выдал чужим.
Лай у соседа заслышав, я сразу зажгусь: «Не она ли?»
Или припомню, как дверь гостье желанной открыл.

XX

Сила красит мужчину, отвага свободного духа?
Рвение к тайне, скажу, красит не меньше его.
Градокрушительница Молчаливость, княгиня народов!
Мне, богиня, была в жизни водителем ты.
Что же судьба припасла? Мне муза, смеясь, размыкает,
Плуг размыкает Амур накрепко сомкнутый рот.
Ох, куда как не просто скрывать позор королевский!
Худо прячет венец, худо фригийский колпак
Длинные уши Мидаса: слуга ли ближайший приметил —
Страшно царю, на груди тайна что камень лежит.
В землю, что ли, зарыть, схоронить этот камень тяжелый?..
Только тайны такой не сохранит и земля!
Станут вокруг камыши, зашуршат, зашепчутся с ветром:
«А Мидас-то, Мидас! Даром что царь,— долгоух!»
Мне же безмерно тяжеле блюсти чудесную тайну,
Льется легко с языка то, что теснилось в груди.
А ни одной не доверишь подруге — бранить они будут;
Другу доверить нельзя: что, коль опасен и друг?
Роще своей поведать восторг, голосистым утесам?
Я не настолько же юн, да и не столь одинок!
Вам, гекзаметры, я вам, пентаметры, ныне поверю,
С нею как радуюсь дню, сю как счастлив в ночи!
Многим желанна, сетей она избегает, что ставит
Дерзко и явно — кто смел, тайно и хитростно — трус.
Мимо пройдет, умна и легка: ей ведома тропка,
Где в нетерпении ждет истинно любящий друг.
Медли, Селена! Идет она! Как бы сосед не заметил...
Милая так говорила и, на руки взяв мальчугана,
Стала его целовать; слезы из глаз потекли.
Как же был я пристыжен, что дал людскому злоречью

Светлый облик любви так предо мной очернить!
Сухое пламя горит лишь миг и чадно дымится,
Если вожак невзначай в жаркий плеснули очаг.
Только, однако же, пламя очистится, дым разойдется
Снова, юн и силен, ясный взовьется огонь.

VII

О, как в Риме радостно мне! Давно ль это было?
Помню, серый меня северный день обнимал.
Небо угрюмо и грузно давило на темя; лишенный
Красок и образов мир перед усталым лежал.
Я же о собственном «я», следя недовольного духа
Сумеречные пути, в помыслов глубь уходил.
Ныне мне лег на лоб светлейшего отсвет эфира,
Феб-жизнедавец призвал к жизни и форму и цвет.
Звездами ночь ясна, и звучит она музыкой мягкой;
Ярче, чем северный день, южного месяца свет.
Что за блаженство смертному мне! Не сон ли?
Приемлет
Твой амврозийный дом гостя, Юпитер-отец?
Вот я лежу и руки к твоим простираю коленам.
В жаркой мольбе: «Не отринь, Ксений-Юпитер, меня!
Как я сюда вошел, не умею сказать: подхватила
Геба меня, увлекла, странника, в светлый чертог.
Может быть, ты вознести героя велел, и ошиблась
Юная? Щедрый, оставь, что мне ошибкой дано!
Да и Фортуна, дочь твоя, тоже, поди, своенравна:
В листьях, ветер, шуми — в пору шаги заглушить!
Вы же растите, цветите, любезные песни! Качайтесь
В тихом трепете лоз, в ласковой неге ночной —
И болтливым, как тот камыш, откройте квиритам
Тайну прекрасную вы взысканной счастьем четы.

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Стрелку́,— но не тому, кто сед,
Кто правит солнца бег,
Скрывает мглой небесный свет
И шлет нам первый снег,—

Но мальчику восторг певца!
Почтим того хвалой,
Кто ранит нежные сердца
Волшебною стрелой.

Он согревает мрак ночей
Порою зимних вьюг,
Дарит нам преданных друзей
И сладостных подруг.

Да вознесем его к звездам,
Чтоб вечно меж светил
Он, светлый, улыбаясь нам,
Всходил и заходил.

1783

АМУР-ЖИВОПИСЕЦ

На скале сидел я ранним утром,
Пристально глядел в туман рассветный,
Точно холст, покрытый серым грунтом,
Вширь и ввысь он затянул окрестность.

Подошел ко мне какой-то мальчик
И воскликнул: «Что ты, друг любезный,
В полотно уставился глазами?
Иль навеки потерял охоту
Красками орудовать и кистью?»
На дитя взглянул я и подумал:
«Ишь, наставник у меня нашелся!»

«Так сидеть бездейственно и мрачно,—
Молвил мальчик,— выйдет мало толку.
Хочешь, я картину нарисую,
Научу, как пишутся картины?»

И тотчас же пальчиком искусным,
Розовым и белым, точно роза,
Быстро начал по холсту водить он,
Пальцем начал рисовать картину.

Наверху изобразил он солнце
В блеске ослепительно прекрасном,
Облака, с краями золотыми,
В тех местах, где луч сквозь них пробился.
Трепетными, легкими мазками
Лес наметил, от росы блестящий,

А за лесом широко и вольно
Цепь холмов волнистую раскинул.

Без воды не обошлось в картине —
Написал и речку так правдиво,
Будто солнце на воде сверкало,
Будто волны на песок плескались.

За рекой простерся луг с цветами,
На лугу зажглись, затрепетали
Зелень, пурпур, золото, эмали,
Россыпи рубинов и смарагдов.
А над всем — лазурный купол неба,
И вдали — синеющие горы.
Восхищенный, то на живописца
Я глядел, то на его картину.

«Ну, теперь ты видишь,— мне сказал он.—
В этом деле кое-что я смыслю,
Но пора заняться самым трудным».

И тогда, с великим прилежаньем,
Написал он пальчиком искусным
На опушке леса, там, где солнце
Ярким светом зелень заливало,
Написал прелестную пастушку,
Стройную, в простом, открытом платье,
Синий взор и розовые щеки,
Розы-щеки, схожие по цвету
С пальчиком, который сотворил их.
«О дитя! — вскричал я.— У кого ты,
У какого мастера учился
Рисовать так верно и правдиво
И с таким высоким совершенством?»

Не успел еще договорить я,
Закачались ветви на деревьях,
Легкий ветер закурчавил воду,
Взвил косынку на кудрях пастушки,
И тогда,— о, как я изумился! —
Девушка ногой переступила,
Обернулась и пошла к утесу,
Где сидели я и мой учитель.
И когда все, все пришло в движенье,
Воздух, волны, листья и косынка,
И сама красавица — о боги! —
Мог ли я недвижно, будто камень,
Усидеть на каменном утесе!

1787

ТОМЛЕНИЕ

Что стало со мною,
Что в сердце моем?
Как душен, как тесен
Мой угол, мой дом!
В просторы, где тучи,
Где ветер всегда,
Туда, на вершины,
Скорее туда!

Вон черные птицы
По небу летят.
О птицы, я с вами,
Ваш спутник, ваш брат!
Под нами утесы,
Под нами степа.
Не ли там вижу?
Она здесь, она!

Идет и мечтает.
За нею, с небес,
Я птицей поющей —
В раскидистый лес.
Идет и внимает
Лесной тишине:
«Как сладко поет он,
Поет обо мне!»

Вечернее солнце
Холмы золотит,
Прекрасная дева
На солнце глядит.
Идет над рекою,
Зеленым лужком.
Пропала тропинка,
Стемнело кругом.

Но тут я звездою
Блеснул в вышине.
«Что светит так ярко,
Так ласково мне?»
Ты на небо смотришь,—
О, радостный миг!
К ногам твоим пал я,
Я счастья достиг!

1802

* * *

Нет, только тот, кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

Гляжу я вдаль... нет сил —
Тускнеет око...
Ах, кто меня любил
И знал,— далеко!

Вся грудь горит... Кто знал
Свиданья жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду.

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,—
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!

Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвесть ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, почтик ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог

Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму,
Движется к нему
Странный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой:
Вкруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая,—
Так она со вздохом говорит,—
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!»

«Дева, стой,— воскликнул он,— со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей;
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампады
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о верь,
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять,—
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор, доселе хладный,
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать воспрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненною силой,
Он ее в объятья заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как в тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недут,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она. Сомнений боле нет —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день, но вновь
Нас сведет любовь!»
«Завтра вновь!» — с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»
Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
С ложа, вся прямa,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

«Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят;
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И покончив с ним,
Я пойду к другим,—
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моленье,
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Освободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

1797

БОГ И БАЯДЕРА

Индийская легенда

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет в странствованье трудном
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьею правосудным
Нас карать и награждать.
Он, путником город обшедшим усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
В шелк и в кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоем!»
«Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!»
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.

И, лаская, увлекает
Незнакомца на порог.
«Лишь войди, и засияет
Эта хата, как чертог,
Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,

Очнись и успокойся,
Ты устал и изнемог!»
И мнимым страданьям она помогает,
Бессмертный [illegible] все примечает,
Он чистую душу в упадшей призрел.

Как с рабыней, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув кошы,
Все покорней и нежней,
И невольно, и жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но великий сроен и цыссй вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Чрез негу, и страх, и терзанья мук.

Он касается устами
Расшеных ее ланит —
И нежданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье страшном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд.
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.
И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье...
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем рванулась на землю
Пред возлюбленным своим:
«Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!

Красота ли неземная
Станет пеплом и золой!
Он был мой в объятьях рая,
Он и в смерти будет мой!»
Но стих раздается священного хора.
«Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Брамы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовешься баядерой,
И не связана ты с ним.
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена.
Раздайтеся, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,
Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданья множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огнь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.
Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневыми руками
Благие возносят к чертогам своим.

1797

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Старый знахарь отлучился!
Радуясь его уходу,
Испытать я власть решился
Над послушною природой.
Я у чародея
Перенял слова
И давно владею
Тайной колдовства.

Брызни, брызни,
Свеж и влажен,
С пользой жизни,
Ключ из скважин.
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!

Батрака накинь лохмотья,
Старый веник из мочалы.
Ты сегодня на работе
Отдан под мое начало!
Растопырь-ка ноги,
Дерни головой!
По лесной дороге
Сбегай за водой.

Брызни, брызни,
Свеж и влажен,
С пользой жизни,
Ключ из скважин!
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!

Погляди на водоноса!
Воду перелил в лоханки!
И опять в овраг понесся
Расторопнее служанки.
Сбегал уж два раза
С ведрами батрак,
Налил оба таза
И наполнил бак.

Полно! Баста!
Налил всюду.
И не шастай
Больше к пруду!
Как унять готовность эту?
Я забыл слова запрета.

Я забыл слова заклятья
Для возврата прежней стати!
И смеется подлый веник,
Скатываясь со ступенек.

Возвратился скоком
И опять ушел,

И вода потоком
Заливает пол.

Стой, довольно,
Ненавистный!
Или больно
Шею стисну!
Только покосился в злобе,
Взгляд бросая исподлобья.

Погоди, исчадье ада,
Ты ведь эдак дом утопишь!
С лавок льются водопады,
У порога лужи копишь!
Оборотень-веник,
Охлади свой пыл!
Снова стань, мошенник,
Тем, чем прежде был.

Вот он с новою бадейкой.
Поскорей топор я выну!
Опрокину на скамейку,
Рассеку на половины!
Ударяю с маху,
Палка пополам,
Наконец от страха
Отдых сердцу дам.

Верх печали!
О, несчастье!
С полу встали
Обе части,
И, удвоивши усердье,
Воду носят обе жерди!

С ведрами снуют холопы,
Все кругом водой покрыто!
На защиту от потопа
Входит чародей маститый!
«Вызвал я без знанья
Духов к нам во двор
И забыл чуранье,
Как им дать отпор!»

В угол, веник.
Сгиньте, чары.

Ты мой пленник.
Бойся кары!
Духи, лишь колдун умелый
Вызывает вас для дела.

1797

ИЗ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»

ГИДЖРА

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальный
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.

Там, наставленный пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с богом,
Обретал без мук, без боли
Свет небес в земном глаголе.

В мир, где предкам уваженье,
Где чужое — в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

Пастухом броди с отарой,
Освежайся под чинарой,
Караван води песками
С кофе, мускусом, шелками
По безводью да по зною
Непроезжей стороною.

Где тропа тесней, отвесней,
Разгони тревогу песней,
Грянь с верблюда что есть мочи
Стих Гафиза в пропасть ночи,
Чтобы звезды задрожали,
Чтоб разбойники бежали.

На пиру и в бане снова
Нам Гафиза пой святого,
Угадав за покрывалом
Рот, алеющий кораллом,
И склоняя к неге страстной
Сердце гурии прекрасной.

Прочь, завистник, прочь, хулитель,
Ибо здесь певца обитель,
Ибо эта песнь живая
Возлетит к преддверьям рая,
Там тихонько постучится
И к бессмертью приобщится.

1814

ЧЕТЫРЕ БЛАГА

Арабам подарил Аллах
Четыре высших блага,
Да не иссякнут в их сердцах
Веселье и отвага.

Тюрбан — для воина пустынь
Он всех корон дороже.
Шатер — в пути его раскинь,
И всюду кров и ложе.

Булат, который тверже стен,
Прочней утесов горных,
И песню, что уводит в плен
Красавиц непокорных.

Умел я песнями цветы
Срывать с их пестрой шали,
И жены, строги и чисты,
Мне верность соблюдали.

Теперь — на стол и цвет и плод!
Для пира все готово,
И тем, кто поученья ждет,
Предстанет свежим Слово.

1815

СТИХИИ

Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб внимали им поэты
И толпа их затвердила?

Призовем любовь сначала,
Чтоб любовью песнь дышала,
Чтобы сладостно звучала,
Слух и сердце восхищала.

Дальше вспомним звон стаканов
И рубин вина багряный,—
Кто счастливей в целом мире,
Чем влюбленный или пьяный?

Дальше — так учили деды —
Вспомним трубный голос боя,
Ибо в зареве победы,
Словно бога, чтут героя.

Наконец, мы сердцем страстным,
Видя зло, вознегодуем,
Ибо дружим мы с прекрасным,
А с уродливым враждуем.

Слей четыре эти силы
В первобытной их природе —
И Гафизу ты подобен,
И бессмертен ты в народе.

1814

В НАСТОЯЩЕМ — ПРОШЛОЕ

В блеске утра сад росистый,
Роз и лилий ароматы,
А подальше — старый, мшистый,
Тихо спит утес косматый.
Лес приветливый у склона,
Замок ветхий на вершине,
И вершина примиренно
Наклоняется к долине.

Пахнет так, как там, где юны
Были мы, где мы любили,
Где моей кифары струны
Зорь соперницами были.
Где под песню птицелова
Чаща тихо шелестела,
Где, свежо и бодро снова,
Сердце брало, что хотело.

Лес не старится с годами,
Но и вы не старьтесь тоже,
Дайте жизнью вслед за вами
Насладиться молодежи.
И никто вас бранным словом
«Себялюбец» не обидит.
В каждом возрасте дано вам
То, в чем мудрый счастье видит.

День угас, но с этой верой
Я несу Гафиза людям:
Радость жизни полной мерой
С жизнелюбом пить мы будем.

1815

ПРОЗВИЩЕ

Поэт

Почему народ Ирана
Мохаммеду Шемс-эддину
Имя дал «Гафиз»?

Гафиз

Причину
Я открою. Текст Корана
Я, слуга его ревнивый,
Вверил памяти счастливой
И от слова и до слова
Помню и блюду сурово.
Хоть постыдно наше время,
Общий дух того не губит,
Кто, как я, пророка любит,
Чтит завет его и семя.
Оттого Гафизом всеми
Прозван я.

И в том причина
Мне прослыть Гафизом тоже.
Там, где мненье всех едино,—
Все во всем друг с другом схожи.
И с тобой одно мы оба.
Взял и я из книг священных
Дивный лик, чтоб он до гроба
В недрах духа сокровенных
Жил, как светлый дух Владыки
Жив на плате Вероники,
Чтоб являл, мой дух покоя,
Средь неверья, средь разбоя
Образ веры многоликий.

1815

ГАФИЗУ

Нет, Гафиз, с тобой сравниться —
Где уж нам!
Вьется парус, точно птица,
Мчится по волнам.
Быстрый, легкий, он стремится
Ровно, в лад рулю.
Если ж буря разразится —
Горе кораблю!
Огнекрылою орлицей
Взмыла песнь твоя.
Море в пламень обратится!
Не сгорю ли я?
Ну, а вдруг да расхрабриться?
Дай-ка, стану смел!
Сам я в солнечной столице
Жил, любил и пел.

1818

* * *

«Всё, ты сказал мне, погасили годы:
Веселый опыт чувственной природы,
О милом память, о любимом вздоре,
О днях, когда в безбережном просторе

Витал твой дух,— ни в чем, ни в чем отрады:
Не радуют ни слава, ни награды,
Нет радости от собственного дела,
И жажда дерзновений оскудела.
Так что ж осталось, если все пропало?»
«Любовь и мысль! А разве это мало?»

1815

* * *

Где рифмач, не возомнивший,
Что второго нет такого,
Где скрипач, который мог бы
Предпочесть себе другого?

И ведь правы люди эти:
Славь других — себя уронишь,
Дашь другому жить на свете,
Так себя со света сгонишь.

И немало мне встречалось
Разных лиц, высоких чином,
Коим спутывать случалось
Кардамон с дерьмом мышиным.

Прежний для спасенья чести
Новую метлу порочит.
Новая метла из мести
Старой честь воздать не хочет.

И народы ссорит злоба
И взаимное презренье,
А того не видят оба,
Что одно у них стремленье.

1814

* * *

Разве старого рубаку
Я учил держать секиру?
Направлял полезших в драку
Или путь искавших к миру?

Наставлял я рыболова
В обращении с лесою
Иль искусного портного
Обучал шитью да крою?

Так чего же вы со мною
В том тягаться захотели,
Что природою самою
Мне раскрыто с колыбели?

Напирайте без стесненья,
Если сила в вас клокочет.
Но, судя мои творенья,
Знайте: так художник хочет!

1814

ЗУЛЕЙКЕ

Чтоб игрою благовоний
Твой порадовать досуг,
Гибнут сотни роз в бутоне,
Проходя горнило мук.

За флакон благоуханий,
Что, как твой мизинец, мал,
Целый мир существований
Безымянной жертвой пал,—

Сотни жизней, что дышали
Полнотою бытия
И, волнуясь, предвкушали
Сладость песен соловья.

Но не плачь, из их печали
Мы веселье извлечем.
Разве тысячи не пали
Под Тимуровым мечом!

1815

* * *

Хатем

Создает воров не случай,
Сам он вор, и вор — вдвойне:

Он украл доныне жгучий
След любви, что тлел во мне.

Все, чем дни мои богаты,
Отдал он тебе сполна.
Возврати хоть часть утраты,
Стал я нищ, и жизнь бедна.

Но уже алмазом взгляда
Приняла ты все мольбы,
И, твоим объятьям радо,
Сердце новой ждет судьбы.

Зулейка

Все мне дал ты нежным взором,
Мне ли случай осуждать!
Если вдруг он вышел вором,
Эта кража — благодать.

Но ведь сам, без всякой кражи,
Стал ты мой, как я — твоя.
Мне приятней было б даже,
Если б вором вышла я.

Дар твой щедр и смел обычай,
Но и в выигрыше ты:
Все ты взял — покой девичий,
Жар душевной полноты.

Полюбил — и стал богатым.
Ты ли нищий? Не шути!
Если ты со мною, Хатем,
Счастья выше не найти.

1815

GINGO BILOBA [1]

Этот листик был с Востока
В сад мой скромный занесен,
И для видящего ока
Тайный смысл являет он.

[1] Gingo biloba — латинское название японского дерева.

Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Или напротив, сразу двое
Предстают в единстве нам?

И загадку и сомненья
Разрешит мой стих один:
Перечти мои творенья,
Сам я — двойственно един.

1815

* * *

Любимая! Венчай меня тюрбаном!
Пусть будет он твоей рукой мне дан.
И шах Аббас, владеющий Ираном,
Не знал венца прекрасней, чем тюрбан.

Сам Александр, пройдя чужие страны,
Обвил чело цветистой полосой,
И всех, кто принял власть его, тюрбаны
Прельщали царственной красой.

Тюрбан владыки нашего короной
Зовут они. Не меркнет блеск имен.
Алмаз и жемчуг тешат глаз прельщенный,
Но наш муслин — их всех прекрасней он.

Смотри, он чист, с серебряным узором.
Укрась чело мне! О, блаженный миг!
Что вся их мощь? Ты смотришь нежным взором,
И я сильней, я выше всех владык.

1815

* * *

Шах Бехрамгур открыл нам рифмы сладость,
Его душа язык в ней обрела.
И чувств ответных девственную радость
Его подруга в рифмах излила.

Подобно ей, и ты мне, дорогая,
Открыла слов созвучных волшебство,

И. в Бехраиргу записти не зная,
Я стал владыкой царства чудо.

Ты этих песен мне дала отраду.
Пропетым от сердечной полноты,
Как звуку — звук, им взгляд другому взгляду,
Им всею жизнью отвечала ты.

И вдаль, к тебе я шлю мои созданья —
Исчезнет звук, но слово долетит.
В них не умрет погасших звезд сиянье,
Из них любви Вселенная глядит.

1815

* * *

Зулейка

Что там? Что за ветер странный?
Не Восток ли шлет посланье,
Чтобы свежестью нежданной
Исцелить мое страданье?

Вот играет над лужайкой,
Носит пыль, колышет ветки,
Насекомых легкой стайкой
Гонит к розовой беседке.

Дышит влагою прибрежий,
Холодит приятно щеки,
Виноград целует свежий
На холмистом солнцепеке,

Сотни ласковых названий
С ним прислал мой друг в печали,
На холмах лишь ветер ранний,
А меня уж заласкали.

Так ступай же, сердобольный,
Всех, кто ждет тебя, обрадуй!
Я пойду в наш город стольный,
Буду милому отрадой.

Все любви очарованье,
Обновленье, воскрешенье —
Это наших губ слиянье,
Наших помыслов смешенье.

1815

* * *

Ветер влажный, легкокрылый,
Я завидую невольно:
От тебя услышит милый,
Как в разлуке жить мне больно.

Веешь сказкой темной дали,
Будишь тихие томленья.
Вот слезами засверкали
Холм и лес, глаза, растенья.

Но из глаз и вздох твой слабый
Гонит тайное страданье.
Я от горя изошла бы
Без надежды на свиданье.

Так лети к родному краю,
Сердцу друга все поведай,
Только скрой, как я страдаю,
Не расстрой его беседой.

Молви скромно, без нажима,
Что иного мне не надо.
Тем живу, что им любима,
С ним любви и жизни рада.

1814—1815

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Ты ли здесь, мое светило?
Стан ли твой, твоя рука?
О, разлука так постыла,
Так безжалостна тоска!
Ты венец моих желаний,
Светлых радостей возврат!
Вспомню мрак былых страданий —
Встрече с солнцем я не рад.

Так коснел на груди отчей
Диких сил бесплодный рой,
И, ликуя, первый Зодчий
Дал ему закон и строй.
«Да свершится!» — было слово,
Вопль ответом был — и вмиг

Мир из хаоса немого
Ослепительно возник.

Робко скрылась тьма впервые,
Бурно свет рванулся ввысь,
И распались вдруг стихии
И, бунтуя, понеслись,
Будто вечно враждовали,
Смутных, темных грез полны,
В беспредельность мертвой дали,
Первозданной тишины.

Стало все немой пустыней,
Бог впервые одинок.
Тут он создал купол синий,
Расцветил зарей восток.
Утро скорбных оживило,
Буйством красок все зажглось,
И любовь одушевила
Все стремившееся врозь.

И безудержно и смело
Двое стать одним спешат,
И для взора нет предела,
И для сердца нет преград.
Ждет ли горечь иль услада —
Лишь бы только слиться им,
И творцу творить не надо,
Ибо мы теперь творим.

Так меня в твои объятья
Кинул звонкий зов весны,
Ночи звездною печатью
Жизни наши скреплены.
И теперь не разлучиться
Нам ни в злой, ни в добрый час,
И второе: «Да свершится!» —
Разделить не сможет нас.

1815

* * *

В тысяче форм ты можешь притаиться,—
Я, Вселюбимая, прозрю тебя,
Иль под волшебным покрывалом скрыться,—
Всевездесущая, прозрю тебя.

В чистейшем юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя,
Живой волной канала заструися,—
Вселасковая, в ней прозрю тебя.

Фонтан ли ввысь возносится, красуясь,—
Всерезвая, и в нем я зрю тебя;
Меняет образ облак, образуясь,—
Всеразноликая, я зрю тебя.

Ковер лугов, и он тебе порукой,
Всепестрозвездная, в нем зрю тебя,
И если вьется плющ тысячерукий,—
О Всесвязующая, зрю тебя.

Лишь над горами утро загорится,—
Вседобрая, приветствую тебя.
Коль небо чисто надо мной круглится,—
Всесердцеширящая, пью тебя.

Весь опыт чувств, и внутренних и внешних,
О Всеучительная,— чрез тебя.
Аллаху дам ли сто имен нездешних,
Звучит за каждым имя — для тебя.

1815

ПРАВЕДНЫЕ МУЖИ

Магомет
говорит

Пусть враги над мертвыми рыдают,—
Прах зарыт, и павшим нет возврата.
Наши братья в небо возлетают —
Нам ли плакать над могилой брата!

Семь планет, усопшего встречая,
Золотые распахнут врата,
И душа восходит в кущи рая,
От земного тления чиста.

И трепещет радостью священной,
Глядя в бездны, что раскрылись мне,

Когда я сквозь семь небес Вселенной
В рай летел на огненном коне.

Древо мудрых, все в плодах румяных,
Вознеслось превыше кедров там.
Древо жизни на лугах медвяных
Тень дарит неведомым цветам.

Дышит ветер сладостный Востоком,
Он приводит хор небесных дев.
Их увидишь изумленным оком
И уже пылаешь, опьянев.

Девы смотрят,— чем велик ты, воин,
Опытом иль буйством юных сил?
Если ты Эдема удостоен,
Ты герой, но что же ты свершил?

Каждая зачтется ими рана,
Ибо в ранах — слава и почет.
Стерла смерть отличья рода, сана
И лишь ран за веру не сотрет.

И тебя уводят в грот прохладный,
В многоцветный лабиринт колонн.
И кипеньем влаги виноградной
Вскоре ты согрет и обновлен.

В каждом вспыхнет молодости сила,
Каждый чист и праведен душой.
Та, что сердце одного пленила,
Станет всем подругой, госпожой.

Лишь к одной, достойнейшей на пире,
Ты влеком не чувственным соблазном:
С ней беседуй в радости и в мире
О высоком, о многообразном.

То одна из гурий, то другая
Кличет гостя к пиру своему.
Право, стоит умереть для рая:
Много жен — и мир в твоем дому.

И скучать о прошлом ты не станешь,
И уйти отсюда не сумеешь.
От подобных женщин не устанешь,
От подобных вин не опьянеешь.

Я поведал кратко о награде,
Ждущей тех, кто в битву шел без страха.
Так пируют в райском вертограде
Праведные воины Аллаха.

1815

ВПУСК

Гурия

На пороге райских кущей
Я поставлена как страж.
Отвечай, сюда идущий:
Ты, мне кажется, не наш!

Вправду ль ты Корана воин
И пророка верный друг?
Вправду ль рая удостоен
По достоинству заслуг?

Если ты герой по праву,
Смело раны мне открой,
И твою признаю славу,
И впущу тебя, герой.

Поэт

Распахни врата пошире,
Не глумись над пришлецом!
Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом!

Посмотри на эти раны,—
Взором светлым в них прочтешь
И любовных снов обманы,
И вседневной жизни ложь.

Но я пел, что мир невечный
Вечно добр и справедлив,
Пел о верности сердечной,
Верой песню окрылив.

И хотя платил я кровью,
Был средь лучших до конца,
Чтоб зажглись ко мне любовью
Все прекрасные сердца.

Мне ль не место в райском чине!
Руку дай — и день за днем
По твоим перстам отныне
Счет бессмертью поведем.

1815

Литературно-художественное издание

Гете Иоганн Вольфганг

Избранное

Составитель

Сагань Наталья Константиновна

Зав. редакцией *В. С. Логачев*
Редактор *А. А. Немирова*
Художник *Л. А. Полевая*
Художественный редактор *В. Ю. Лукаш*
Технические редакторы *Н. Х. Дмитриева, Н. М. Лысакова*
Корректор *Т. П. Соленкова*

ИБ № 1972

Сдано в набор 16.03.89. Подписано в печать 25.09.89. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 8,40. Усл
хр.-отт. 8,70. Уч.-изд. л. 9,05. Тираж 50 000 экз. Заказ 9-138. Цена 45 к.

Издательство «Донбасс». 340002, Донецк,
пр. Богдана Хмельницкого, 102.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе.
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.